

Глава 30. Мы договорились

Хлёсткая пощёчина Ю Гуаньюя заставила всех присутствующих вздрогнуть.

Ю Цинсюй ошеломлённо посмотрела на наставника. Она мгновенно расплакалась:

— Учитель...

Ю Гуаньюй помрачнел от гнева:

— Извинись.

Ю Цинсюй ещё никогда не видела учителя в таком неистовстве. Жгучая боль на щеке заставила её прийти в себя. В душе девушки клокотала лютая ненависть, но перечить наставнику она не посмела. Глотая обиду, она пробормотала:

— Прости...

Толпа затаила дыхание, переведя взгляды на Лю Муханя.

Лю Мухань сделал два шага вперёд, наклонился и аккуратно положил кнут прямо перед стоявшей на коленях Ю Цинсюй:

— Ты ударила меня, я вернул тебе удар. Счёты сквитаны, так что извинения излишни.

Оставив плетёную ленту на земле, Лю Мухань развернулся и подошёл к Сяо Ханю. Он крепко сжал его ладонь:

— Сяо Хань, пойдём отсюда.

Сяо Хань попытался подняться, опираясь на руку юноши. Он закрыл глаза, покачнулся, потерял равновесие и едва не рухнул на землю.

Лю Мухань тут же подхватил мальчика, но почувствовал резкую боль в обожжённом ударом плети предплечье. Он невольно застонал:

— Тс-с...

— Брат! — испуганно вскрикнул Сяо Хань, ощупывая Лю Муханя дрожащими ладошками. — Брат, ты ранен? Прости меня, я даже устоять не могу! Брат... Брат!

— Всё хорошо, — преодолевая боль, Лю Мухань попытался улыбнуться. — Брату совсем не больно, честно. Ты просто ничего не видишь, вот и оступился.

— Братец, прости... Тебе ведь очень больно, да? — Сяо Хань судорожно вцепился в его пальцы, словно боялся, что Лю Мухань растает в воздухе, стоит лишь ослабить хватку.

— Не больно, — хотел успокоить его Лю Мухань, но рана на руке ныла так нестерпимо, что голос предательски дрогнул. Заметив, что мальчик ему не верит, юноша решил сменить тактику: — Ладно, Сяо Хань. Немного побаливает. Поможешь мне идти? Поддержи меня, хорошо? Да и проголодался я знатно. Пойдём поедим?

Сяо Хань хоть и не видел, но силы в нём было достаточно. Услышав слабость в голосе брата, он тут же преисполнился решимости защитить и уберечь его. Мальчик изо всех сил постарался крепче подпереть плечом Лю Муханя.

Лю Мухань приподнялся, намеренно слегка навалившись на него, чтобы дать Сяо Ханю почувствовать себя нужным, а когда выпрямился, перенёс вес на здоровую ногу. Поддерживая друг друга, они медленно двинулись прочь сквозь расступающуюся толпу.

Юноша притворялся слабым перед Сяо Ханем, но в то же время он делал это на глазах у всех собравшихся здесь мастеров боевых искусств.

Будь он понаходчивее или трусливее, когда Ю Цинсуй хлестнула его плетью, он бы просто взял предложенное Ю Гуаньюем серебро и убрался прочь. Но Лю Мухань выбрал иной путь.

В то мгновение, когда он сжал рукоять плети, он подписал себе приговор: отныне Ю Гуаньюй и Ю Цинсуй стали его смертельными врагами. Но Лю Мухань прекрасно понимал расклад сил. Вокруг стояли десятки свидетелей из цзянху, и Ю Гуаньюй, дорожа своей репутацией благородного воителя, ни за что бы не позволил себе убить незащитного юношу на глазах у всех.

Всю свою жизнь Лю Мухань только и делал, что терпел. Терпел издевательства в Ордене Свободного скитания, терпел лишения в Малом загородном поместье. Завися от чужой милости, не имея ни веса в обществе, ни выдающихся талантов в боевых искусствах, он был вынужден склонять голову. Это был единственный способ выжить.

Вырвавшись из Ордена Свободного скитания и покинув Малое загородное поместье, он шёл через Городок Кленовых листьев до самого Города Каменного спокойствия, стараясь держаться в тени и обходить любые распри стороной. Но судьба распорядилась иначе: он случайно выведал тайну главы зала Му и вдобавок получил незаслуженный удар плетью.

Если бежать больше некуда, остаётся только драться.

Лю Мухань уводил Сяо Ханя прочь под безмолвными, полными недоумения и скрытого уважения взглядами толпы. Лица за их спинами менялись, выражая целую гамму чувств.

— Великий герой Ю, даже я не могу смолчать, — подал голос кто-то из толпы, сложив ладони перед Ю Гуаньюем в вежливом приветствии. — Коли слова мои покажутся вам резкими, не обессудьте. Эти двое — простые сироты, живущие душа в душу, а младший брат к тому же слеп. Но даже в такой нищете юноша наотрез отказался от вашего серебра. Гордость его уязвлена, и виной тому гнусные речи вашей ученицы. Вы — прославленный в цзянху мастер. Если по миру пойдёт слух, что вы потакаете подобному зверству, подмоченной репутации не отмыть.

— И то верно! — подхватил другой голос. — Когда ваша ученица бросала вызов другим мастерам, мы молчали, списывая всё на обычную удаль и боевые споры. Но набрасываться с бранью на простых людей, да ещё и хлестать плетью калеку? Это уж ни в какие ворота не лезет. Стыд и позор для школы великого героя Ю!

Как говорится, стоит одному поднять крик, и плотину прорвёт. Сначала все малодушно отмалчивались, боясь навлечь на себя гнев сильного мастера, но стоило паре смельчаков высказаться, как толпа взорвалась. Гул недовольных голосов становился всё громче.

Ю Гуаньюя винили в том, что он распустил свою подопечную, взрастив змею на собственной груди. Каждое обвинение тяжёлым камнем ложилось на его плечи.

Вдруг кто-то заметил, каким взглядом Ю Цинсуй провожает уходящих братьев.

— Великий герой Ю, сдаётся мне, судя по взгляду вашей ученицы, этим беднягам не сносить головы, — лениво протянул пожилой воин. — Если с ними завтра что-то случится, вы тоже спишете всё на «досадную случайность» и «злой рок»?

Ю Гуаньюй резко развернулся и уставился на Ю Цинсуй.

Девушка не успела спрятать злобу, и её кровожадный оскал предстал перед учителем и толпой. После стольких упрёков никто уже не сомневался: едва суматоха уляжется, Ю Цинсуй выследит и прикончит Лю Муханя с братом.

Шёпот порицания вспыхнул с новой силой.

Мэй Маобин, обожавший подливать масла в огонь, со смешком шагнул вперёд:

— Брат Ю, цзянху велик, и за пределами Города Каменного спокойствия пути их вряд ли пересекутся. Но честной народ волнуется, как бы Цинсуй сгоряча не догнала тех сирот и не пустила им кровь. Для нас, праведных воителей, справедливость и защита слабых — закон. За бессмысленное душегубство весь честной мир отвернётся от вас. Все лишь хотят услышать

твое твёрдое слово: если с этими ребятами в городе что-нибудь случится, как ты накажешь свою ученицу?

За этот короткий спор Мэй Маобин успел сменить несколько обращений к Ю Цинсюй: то ласково звал племянницей, то сухо именовал «вашей ученицей».

Ю Гуаньюй понимал, что без решительного шага толпа не разойдётся. Смерив соперника ледяным взглядом, он процедил сквозь зубы:

— И что же ты предлагаешь?

— Всё просто, — усмехнулся Мэй Маобин, кивнув на стоящую на коленях Ю Цинсюй. — Тебе нужно лишь запечатать её внутреннюю энергию. Разумеется, временно — пока мы находимся в Городе Каменного спокойствия. Как только дела здесь завершатся и вы покинете город, волен возвращать ей силы когда угодно.

Толпа одобрительно загудела, слышались редкие хлопки.

— Великий герой Мэй дело говорит! Так и надо поступить, не то Ю Цинсюй в Городе Каменного спокойствия ещё кучу бед натворит.

— Всего-то временно лишит внутренней энергии. Великий герой Ю ведь не откажется? Или вы и вправду замышляете спустить её с цепи на незащищённых сирот?

— Верно! Потеря сил пойдёт ей на пользу. Отличный повод для глубоких размышлений и смирения нрава. Коли продолжит бесчинствовать, рано или поздно нарвётся на того, кто ей не по зубам. Тогда пиши пропало.

— Да и слухи ходят, будто в Город Каменного спокойствия повадились выродки из Демонического культа. Великому герою Ю лучше запереть ученицу в трактире. Неровен час, столкнётся с ними на улице во время своих прогулок — и поминай как звали. Кто знает, чья кровь тогда прольётся?

Ю Гуаньюй слегка побледнел. По меркам цзянху его мастерство было весьма средним. Позволь он Ю Цинсюй и дальше своевольничать в Городе Каменного спокойствия, она легко могла нарваться на последователей Демонического культа, а уж с учётом беспощадного нрава этих еретиков — расправа пала бы и на его собственную голову.

В толпе раздался любопытствующий возглас:

— Постойте, разве шесть лет назад, после разгрома и гибели старого владыки Демонического культа, этот сброд не канул в небытие? О ком речь?

— Об Учении Проникновения в таинство, конечно! Поговаривают, у них объявился новый глава, и они тайно прибыли в Город Каменного спокойствия ради какого-то заговора. Впрочем, всё это лишь слухи, — рассказчик покачал головой. — После смерти прежнего лидера шесть лет назад Учение Проникновения в таинство затаилось. Но кое-кто божился, что своими глазами видел их людей в городе. Оттого все и судачат.

— Появление Демонического культа — это всегда к беде.

— Лишь бы они снова не начали сеять хаос и резню. Цзянху едва вздохнул спокойно за эти шесть лет. Если слухи подтвердятся, мирным дням придёт конец.

Разговоры быстро перетекли в обсуждение угрозы со стороны сектантов. Очевидно, судьба побитого юноши и капризы Ю Цинсюй меркли перед лицом надвигающейся бури, способной поглотить весь боевой мир.

И эта тревога терзала не только досужих зевак, но и самого Ю Гуаньюя.

Взвесив все за и против, он утвердился в мысли, что девчонку необходимо держать взаперти. На двух безродных бродяг ему было плевать, но если в Городе Каменного спокойствия действительно объявились люди из Демонического культа, оставлять эту взбалмошную девицу на свободе — всё равно что разгуливать с зажжённым факелом рядом с пороховой бочкой.

Отбросив сомнения, Ю Гуаньюй стремительным движением запечатал акупунктурные точки на теле ученицы, перекрыв течение её внутренней энергии.

Затем он повернулся к толпе и чинно сложил руки:

— Прошу простить недостойного Ю за то, что плохо воспитал ученицу и выставил себя на посмеище. Лишение внутренней энергии послужит ей уроком. Я немедленно запру её в покоях, дабы она предавалась покаянию. Впредь обещаю держать её в строгости.

Собравшиеся прекрасно понимали истинную причину его внезапной строгости, но разоблачать страх Ю Гуаньюя перед Демоническим культом никто не стал. Все лишь благожелательно заулыбались, отвечая на приветствие:

— Достойный поступок, великий герой Ю! Перед вашей справедливостью мы склоняем головы.

Обменявшись ещё парой дежурных любезностей, мастера боевых искусств понемногу разошлись по своим делам.

Тем временем Лю Мухань увёл Сяо Ханя в тихий безлюдный переулок.

— Брат, — Сяо Хань ласково сжал его пальцы. — Ты ведь радуешься, правда?

— Да, — Лю Мухань тепло кивнул. — Твой брат приложит все силы, чтобы стать по-настоящему сильным. Я защищу себя и тебя. И больше никто не посмеет обидеть моего Сяо Ханя.

Он прекрасно понимал, что никогда не сможет развить внутреннюю энергию. Лю Мухань не питал пустых иллюзий и не ждал, что Небеса сжалятся и исцелят его разорванные энергетические меридианы. Но он верил, что упорными тренировками сможет довести до совершенства боевые приёмы и формы. Ему нужно было лишь одно — стать достаточно грозным соперником, чтобы в следующий раз не оказаться безвольной жертвой.

Все эти годы он безропотно сносил пинки и оскорбления вовсе не потому, что смирился со своей участью. У него просто не было выбора. Слабость связывала его по рукам и ногам.

И сегодняшний скромный отпор впервые зажёл в его душе робкий огонёк гордости.

Сяо Хань прижался к плечу юноши:

— Я тоже не дам тебя в обиду, брат. Я буду защищать тебя изо всех сил.

Лю Мухань замер. Он почувствовал прилив нежности. Он опустился на одно колено и крепко обнял мальчика:

— Брат запомнит твои слова. Буду ждать, когда мой Сяо Хань вырастет и станет моей опорой. Договорились?

— Брат, я не шучу, — Сяо Хань поднял лицо и упрямо посмотрел на Лю Муханя.

Лю Мухань знал: каждый раз, когда Сяо Хань пытался смотреть на него своими незрячими глазами, он хотел доказать искренность своих слов.

Пусть этот взгляд и блуждал во тьме, не видя ничего вокруг. В нём сквозила взрослая, непоколебимая решимость.

— Хорошо. Тогда давай скрепим наш уговор, — Лю Мухань оттопырил мизинец и осторожно переплёл его с крошечным пальчиком Сяо Ханя. — Буду ждать, когда ты подрастёшь и укроешь меня от всех невзгод.

— Обещаешь?

— Обещаю. Мы договорились.

<http://bllate.org/book/18166/1752500>